

ACADEMIC FORUM

№ 05 (15), июнь 2015

ОКНА РОСТА
АКАДЕМИЧЕСКОГО
ПРИЛОЖЕНИЕ К ИНФОРМАЦИОННОМУ
БЮЛЛЕТЕНЮ

Академические барьеры: проблема изоляции академических сообществ в России

Сегодня часто обсуждают необходимость интернационализации отечественного академического сообщества. Однако российской науке приходится преодолевать не только внешние преграды, но и внутренние. Случается, что в разных городах, в разных институциях существуют различные академические сообщества, которые никак не взаимодействуют друг с другом, хотя могут заниматься сходными темами. Проблема изоляции может пониматься по-разному в зависимости от того, о какой дисциплине мы говорим. В связи с этим необходимо выяснить, как обстоят дела в различных дисциплинах, имеет ли там место изоляция или нет, или же вообще некорректно употреблять этот термин в данном контексте. Поэтому в выпуске о проблеме изоляции (или ее отсутствии) в разных областях, а именно в экономике, социологии и истории, высказываются эксперты – **Иван Болдырев**, **Виктор Вахштайн** и **Александр Каменский**.

Иван Болдырев, доцент департамента теоретической экономики факультета экономических наук НИУ ВШЭ, докторант Университета имени Гумбольдта (Берлин)

Причины очевидной изоляции российского академического сообщества экономистов – в нескольких противоречиях, которые накладываются друг на друга. Первые два взаимосвязаны: это конфликт поколений и перемена эпох. Следует прежде всего признать, что советским экономистам, жившим в несвободной стране и не имевшим ни возможности, ни стимулов работать на международном уровне, не удалось стать частью мирового академического сообщества – за редчайшими исключениями, которые только подтверждают правило. С другой стороны, те наши нынешние и бывшие соотечественники, которые это признание получили (а таких на самом деле сейчас уже очень много), с трудом находят общий язык – или и вовсе к этому не стремятся – с тысячами обладателей научных степеней по экономике, работающих

в вузах и академических институтах по всей стране. Впрочем, не особенно стремится к диалогу и другая сторона – иначе невозможно объяснить, например, неприглядные публичные обвинения из уст (действующего) директора одного из экономических институтов РАН в адрес (бывшего) ректора одной из немногих экономических школ страны, признанной во всем мире.

Ничего удивительного в такой фрагментации нет: карьера академического экономиста сегодня обрела совершенно однородную структуру, над всем – от выбора аспирантуры до публикационных стратегий – довлеет власть рейтингов, и люди, которые хотят научиться должным образом и сделать что-то академически значимое, редко видят смысл в налаживании диалога и институциональной консолидации: не очень понятно, как это может помочь им сделать международную карьеру. Сейчас, правда, ситуация постепенно меняется, но лишь в нескольких университетах и с большим трудом (в том числе и потому, что это, как показывает европейский опыт, объективно трудно). Сообщество профессионалов малочисленно, общий уровень экономического образования – особенно важны здесь магистратура и аспирантура – по-прежнему оставляет желать лучшего, низкие стандарты весьма живучи.

Важно, кроме того, что межпоколенческие различия и отсутствие общего языка усугубляются многочисленными трениями внутри экономической науки как таковой, ее неоднородностью. Но если, например, социологи, политологи или филологи пока могут существовать в академическом поле, поделенном между почти не пересекающимися группами со своими авторитетами и журналами, в экономической науке давно уже сложился мейнстрим (само понятие которого является исторически относительным и очень изменчивым, часто просто сводясь к тому, что публикуют прямо сейчас 10-15 ведущих журналов), и любое «отклонение» от него часто воспринимается болезненно, поскольку считается чем-то псевдонаучным и вредит карьерному продвижению по той самой общей лестнице рейтингов и цитирований. Конечно, нет ничего легче, чем объявить себя «неортодоксальным» экономистом. Многие коллеги в России так и делают. Плохо в этом лишь то, что нет ничего сложнее, чем сделать значимый вклад в науку, будучи вне мейнстрима. Некоторым это удается, стратегии входа в мейнстрим тогда нередко оборачиваются стратегиями изменения мейнстрима изнутри (пока это удалось очень немногим во всем мире). Кроме того, помимо общемировых достижений даже у сравнительно небольших групп неортодоксальных экономистов есть свои журналы, которые активно читаются и цитируются в мире. Много ли российских «гетеродоксов» публикуются в хороших

журналах, в которых допускается использование разных теоретических языков*? Увы, нет. И это тоже не способствует ни интернационализации нашего академического сообщества, ни нахождению общего языка между разными группами экономистов, отказывающимися друг другу в праве называться «настоящими» учеными.

Может быть, изоляция и фрагментация – это не так уж плохо? Думаю, что все же плохо. Масса исследовательских центров и позиций финансируется впустую, и те скромные средства, которые сейчас выделяются на науку, в значительной степени уходят в никуда. Многие по-прежнему считают, что можно быть профессиональным ученым-экономистом, не покидая пределов русскоязычного сообщества (я сталкиваюсь с таким очень часто в своей работе в «Вопросах экономики»). Люди мало знают о работах в смежных областях. Закрытая академическая культура – путь в никуда.

Что можно сделать? Важнее всего то, что пока у нас нет оснований планировать на длительную перспективу. Наша страна должна очень сильно поменяться, чтобы о долгосрочных планах можно было говорить всерьез.

Если же говорить о краткосрочных достижениях, то в Вышке очень многое делается именно для того, чтобы решить проблему изоляции. До конца объективным я здесь быть не могу, вероятно, не всегда это получается вполне удачно, но нельзя не отметить позитивные тенденции (вроде поступления студентов из бакалавриата на ведущие аспирантские программы в мире или появления статей вышкинских авторов – в соавторстве и не только – в хороших журналах). Если экономическому факультету МГУ удастся по-настоящему реализовать хотя бы половину из заявленной не так давно программы развития, это уже будет большим шагом вперед. Я очень рассчитываю, что экономические факультеты ЕУСПб, СПбГУ, РАНХиГС, НГУ и других вузов будут меняться так же динамично и при этом не просто навязывать некую – кажущуюся более совершенной, но чужеродную – академическую культуру, а стараться продемонстрировать коллегам всех возрастов и званий, как сегодня устроена экономическая наука в мире, какие сравнительные преимущества у нас могут быть и как их можно использовать, чтобы сознательно в эту науку встраиваться. Процесс этот не может быть быстрым, но такого рода изменения совершенно необходимы, и чем больше они будут вырастать изнутри сообщества, тем легче оно будет меняться.

И последнее: не нужно думать, что «нас там не ждут», это большое заблуждение. Закрытые сообщества чаще всего быстро деградируют, особенно сегодня, и все это знают – и знают об этом общем знании.

* Таких журналов много. Вот, например, те, что входят в 1-й квартиль по экономике (экономистам квартили гораздо важнее, чем, например, историкам): Socio-Economic Review; Economy and Society; Journal of Institutional Economics; Journal of Economic Behavior and Organization; Journal of Evolutionary Economics; Industrial and Corporate Change; Journal of Economic Psychology; Journal of Economic History.

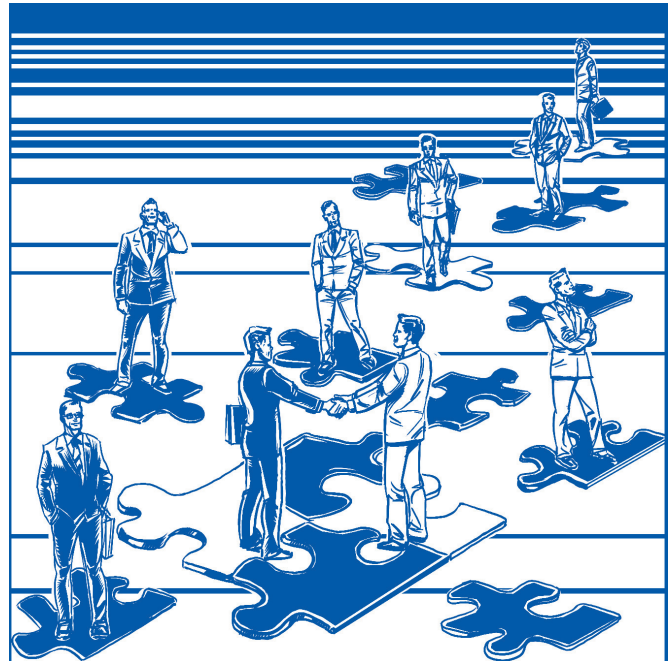
**Виктор Вахштайн, профессор,
декан факультета социальных наук
Московской высшей школы социальных
и экономических наук**

Представьте себе человека, который сидит перед своим ноутбуком и задается вопросом: «Я знаю ученых X, Y, Z, все они из разных городов, принадлежат к каким-то своим академическим сообществам, занимаются близкими темами, но не общаются друг с другом. Нет ли тут проблемы изоляции?»

Кто этот человек? Кому могла прийти в голову такая постановка вопроса? Во-первых, он сам вряд ли принадлежит к академическому сообществу: мысль о «школах» и «сообществах», разбросанных по России, изолированных друг от друга расстояниями и собственным аутизмом, нормальному ученому показалась бы абсурдной. Такая мысль может быть озвучена исключительно из метапозиции по отношению к науке – например, чиновником или журналистом. Во-вторых, яркий образ изоляции академических коммун рождается преимущественно в Москве. В регионах люди, занимающиеся наукой, как правило, прекрасно ориентируются в «площадках» и «ресурсных центрах», где «что-то происходит», потому что для них это – вопрос идентичности, а иногда и выживания. Антропологическое удивление от того, что где-то в регионах могут быть затеряны неизвестные «племена ученых», изолированные от академического мира, – очень московское переживание. И наконец, святая уверенность в том, что коммуникация – это хорошо, а устранение «изолирующих барьеров» есть благо *per se*, – это глубоко гуманитарная мысль. Физик бы не стал переживать из-за изоляции своих коллег, заточенных в подземельях региональных филиалов РАН. (Если они публикуются – они не изолированы, а если не публикуются – их не существует.)

Московский журналист-гуманитарий, радеющий за коммуникацию между учеными, не столько комичен, сколько наивен. Но посмотрим, на чем строится противоположная оптика (в которой сама постановка вопроса об изоляции академических сообществ теряет смысл).

Первое. Нет никаких «академических сообществ», существующих в стилистике республики ученых, непрерывно друг с другом коммуницирующих. Их нет в регионах (там есть более или менее консолидированные группы преподавателей местных вузов), но нет их и в Москве с Петербургом. Есть формальные и неформальные «эпистемические клубы» по интересам, которые и являются производителями/трансляторами идей. Мысль о существовании глобального академического мира, разделенного на материки и затерянные острова, кажется представителям таких клубов глубоко чуждой. Для них существует сеть дружественных клубов в регионах и за рубежом. Но никакого академического мира в целом нет.

Второе. Не бывает «близких тем». Одна и та же тема, которой занимаются в двух разных эпистемических клубах, – это разные темы, потому что сформулированы на разных языках. Никлас Луман, которым занимаются в СПбГУ, и Никлас Луман, которым занимаются в Шанинке, – не просто два разных Лумана, они даже не однофамильцы. Что говорить о более общих темах – от «изучения городской среды» до «исследований общественного мнения».

И третье. Наука – это не система коммуникации, а система влияния. Вы либо источник влияния, либо проводник влияния, либо объект влияния. Если на вас ничего не влияет и вы ни на что не влияете – можете хоть умереть в процессе коммуникации с коллегами, переезжая с одной конференции на другую, но это не сделает вас частью «сообщества». Потому что академические сообщества, или эпистемические клубы, – суть коллективные агенты влияния, а потому никакая изоляция тут невозможна: если вы изолированы – вас не существует. Да, можно говорить об асимметричности влияния. О центрах и перифериях. О несправедливости односторонней трансляции идей. Но такова (академическая) жизнь.

**Александр Каменский, профессор,
руководитель Школы исторических
наук факультета гуманитарных наук
НИУ ВШЭ**

Слово «изоляция» в данном контексте представляется мне не вполне корректным. Скорее надо говорить о сегментированности академического сообщества или отсутствии сегодня единого академического сообщества как такового.

В СССР историческая наука, как, впрочем, и многие другие, имела иерархическую организацию. Академическое «начальство», определявшее направления исследований и дававшее оценку всей производившейся в стране научной продукции, располагалось в Москве – преимущественно в институтах Академии наук. Причем авторитет этих учреждений был не только формальным, поскольку именно в них работали наиболее видные ученые. Следующий «этаж» этой иерархии был представлен историческими факультетами университетов Москвы и Ленинграда. Историки из региональных университетов и научных центров «равнялись» на своих столичных коллег и поддерживали с ними постоянные как формальные, институциональные, так и личные связи. Участие преподавателя из «провинциального» вуза в научной конференции в Москве считалось столь же престижным, как сегодня участие в крупной международной конференции, а ссылка в монографии столичного ученого на статью «провинциального» коллеги означала почет и признание. Каких-либо общественных объединений историков в СССР не было. При этом, согласно неписаным правилам, в провинции историкам следовало заниматься преимущественно местной историей. Конечно, в региональных университетах и научных центрах тоже были крупные ученые и научные школы, оказывавшие влияние на развитие исторической науки, но они были скорее исключением из общего правила.

На рубеже 1980-1990-х годов иерархические связи стали рваться. Во-первых, регулярно ездить в Москву и Санкт-Петербург многим коллегам из регионов стало не по карману, а их вузы перестали оплачивать такие командировки. Во-вторых, многие региональные вузы именно в это время стали налаживать связи с зарубежными университетами. Появилась возможность зарубежных стажировок, получения грантов на исследования от зарубежных фондов, многие из которых были ориентированы на поддержку «провинциальной науки». Соответственно, возникли другие авторитеты, чье мнение стало более значимым. Радикально изменилась проблематика исторических исследований. Молодые историки, вступавшие в профессию в 1990-е годы, начинали зани-

маться как проблемами истории России в целом, так и зарубежной историей. Многие из них обрели международную известность и авторитет. Важно было, конечно, появление интернета, сделавшее более доступной информацию об источниках и литературе.

Однако важнейшее значение для разрыва прежних связей имели причины идеологического свойства. Сперва во время перестройки встал вопрос переоценки истории советского времени, к которой, естественно, были готовы далеко не все. Затем эта переоценка, или, правильнее сказать, переосмысление, распространилась на всю историю России. Причем это переосмысление предполагало не просто изменение оценок, но и полную смену методологической основы исследований. Часть научного сообщества с готовностью стала осваивать достижения зарубежной гуманитаристики XX века. Другая оказалась к этому не готова как профессионально, так и морально.

В результате сегодня академическое сообщество историков состоит из отдельных сегментов, связи между которыми если и поддерживаются, то на личном уровне. Своих единомышленников историки знают в лицо, а общения с другими избегают. Поскольку при этом публикация книги по истории вне зависимости от ее научного качества особой проблемы сегодня не составляет и не требует предварительной экспертной оценки, отдельные микросообщества чувствуют себя вполне благополучно и, издавая в большом количестве то, что члены другого микросообщества не читают и а priori считают не имеющим отношения к науке, ощущают себя самыми передовыми и научно значимыми. Институциональные связи между столицами и регионами практически не поддерживаются: формальной необходимости в этом нет, а региональные центры ощущают себя вполне самодостаточными. В последние годы сокращение в региональных вузах бюджетного приема, ликвидация в связи с этим кафедр, сокращение преподавательских кадров и их старение, объединение истфаков в единые структуры с другими факультетами привели к фактическому исчезновению некоторых некогда существовавших научных школ.

В 1990-е годы делались безуспешные попытки создания общественных объединений историков, а возникшее Общество историков-архивистов никакого влияния на развитие исторической науки не оказало. Воссозданные в 2012 году Российское историческое общество (РИО) и Российское военно-историческое общество носят откровенно официозный характер. Так, из 113 членов РИО, чьи имена можно найти на его сайте, половину составляют президенты, председатели, генеральные директора и директора различных учреждений и организаций и ректоры вузов. Особого влияния на сообщество не обрело пока и возникшее в 2013 году под эгидой Комитета гражданских инициатив Вольное историческое общество.